А.И. Вовненко*

О ФИЛОСОФАХ ПЕРЕУЛКОВ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОМАНЕ А.М. ПЯТИГОРСКОГО

Статья посвящена литературному труду одного из самых малоизученных отечественных философов XX в. – Александра Моисеевича Пятигорского. В данной работе роман «Философия одного переуллка» анализируется как один из ключевых текстов в интеллектуальном творчестве А.М. Пятигорского. Рассмотрев историю создания произведения, его исторический и социальный контекст, а также идейно-тематическое содержание, художественные мотивы и концептуальные положения, автор определяет место «Философии одного переуллка» в творческом наследии Пятигорского. На примере данного произведения раскрывается метод и мировоззренческая система философа.

Ключевые слова: Александр Пятигорский, обсервационная философия, русская мистическая философия, мышление, метафизика, литература, философская проза

Philosophers of small streets: reflections on the novel of Alexander Piatigorsky. ALEXANDER I. VOVNENKO (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to a literary work of Alexander Piatigorsky, one of the least studied Russian philosophers of the XXth century. The author focuses on «The philosophy of a small street» as one of the key texts in the philosophical heritage of Piatigorsky, considering the historical and social context of its creation, as well as its ideological and thematic content, artistic motives and conceptual provisions. The novel is seen as a window to the method and ideological system of the philosopher.

Keywords: Alexander Piatigorsky, observation philosophy, Russian mystical philosophy, consciousness, metaphysics, literature, philosophical prose

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения философа Александра Моисеевича Пятигорского (1929–2009). Одним из значимых направлений в его деятельности принято считать философскую прозу. Некоторые эксперты ставят его литературное творчество на первые позиции, считая прозу Пятигорского «редким случаем сплава философии и литературы, в котором они оказываются равно необходимыми», так, по крайней мере, написано в одном

из присланных нам приглашений на дискуссию, проходящую под девизом «Александр Пятигорский: романист и “сбежавший философ”».

Очевидно, что каждое действительно значимое произведение литературы содержит в себе сколько-нибудь серьезный мировоззренческий аспект или спровоцировано теми или иными идеями и концепциями. Однако последнее не означает, что каждого писателя следует оценивать как раскрывающего сложные темы философа.

* ВОВНЕНКО Александр Иванович, старший преподаватель Департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: vovnenko.ai@dvfu.ru

© Вовненко А.И., 2019

Возможность использовать художественный текст как средство выражения философских идей достаточно привлекательна. Образность, широкая стилистическая и жанровая гамма, многогранность символов и кодов, различные формы повествования позволяют отразить философское содержание выразительно и экспрессивно. Кроме этого, по мнению Ф.Е. Ажимова, философия и литература используют общие механизмы самовыражения (стиль и метафора), а также содержательно пересекаются при решении метафизических проблем. А значит, философия может найти свое проявление в литературе [1, с. 62].

Принято считать, что в творчестве Пятигорского одно из ключевых мест занимает роман «Философия одного переулка». Почему? Представляется, что это произведение достаточно полно раскрывает не только важные идеи и концепции, но и сам философский метод Пятигорского. «Философия одного переулка» – это калейдоскоп сюжетов и микросюжетов, содержащий в себе примеры случаев мышления, выраженного в свободных беседах и разговорах. Действие разворачивается в довоенной Москве, в одном из ее переулков, в среде подростков, стремящихся познать (осознать и обсудить) окружающий их мир.

В то же время интеллектуальное наследие А.М. Пятигорского содержит ряд статей, посвященных философии и литературе, а также взаимодействию этих сфер. Работы были опубликованы в разное время, в том числе и тогда, когда Александр Моисеевич писал свой первый философский роман, замышляя второй – «Вспомнишь странного человека». Сочетание этих обстоятельств позволяет нам рассмотреть первый роман Пятигорского «Философия одного переулка» с различных позиций, в том числе и с точки зрения литературной критики, а также философии литературы и литературной философии (принципиально различных областей знания), используя при этом методику самого автора.

Так, в статье «Философия и литературная критика», впервые опубликованной в материалах Второго Всемирного конгресса советских и восточноевропейских исследований в 1980 г., а затем напечатанной в различных журналах в 1990 и 1991 гг., Пятигорский весьма решительно отвергает возможность рассматривать литературный текст в качестве объекта философствования и считать литературную критику «субститутом философии» [4, с. 256].

Проводя ретроспективу этого вопроса, он отмечает в СССР большое количество диссертаций по философии, посвященных творчеству Герцена, Бердяева, Белинского и других авторов, которых он иронически называет «“философами” чисто домашней выпечки» [4, с. 259]. По всей видимости, такая оценка связана именно с их «литературностью», причина которой находится в стремлении к «непреодолимому субъективизму»: «В философской полемике к мыслителю обычно относятся как к персонажу повести или романа, а в литературной полемике не менее распространено отношение к вымышленному персонажу, как если бы он или она непременно были носителями абстрактной идеи» [4, с. 262]. Такой подход негативно сказывается не только на философии как таковой, но и на историософии, а значит, литературные тексты и для философов, и для критиков – «исторические пророчества и предсказания». Восприятие русской философии литературы как квинтэссенции истории А.М. Пятигорский считает методологическим барьером, ограничивающим мыслителя рамками собственного культурного самосознания и препятствующим постижению «определенного типа истории». А значит попытки объяснить исторические процессы сквозь призму русской литературы тщетны. Но ведь сам Пятигорский (судя по его роману) допускает возможность отображения исторического прошлого в художественном тексте с целью их – и прошлого, и текста – осмысления.

В свете вышесказанного вопрос о причинах обращения Александра Пятигорского к литературной форме (пусть даже к философскому роману) приобретает особое значение. Впрочем, роман как жанр у Пятигорского – это все же и не форма, и не содержание. Мы склоняемся к мысли, что это только «вывеска», за которой помещены и «платоновские диалоги», и публичные лекции (наверное, любимый жанр автора), и интервью. Такой прием предоставляет Пятигорскому авторскую свободу и в вопросах развития фабулы, и в «сценографии» действия, и, если угодно, в телеологии сюжета. Нам представляется, что для автора романа сюжет имеет вторичное или даже третичное значение. А действия (в традиционном понимании для этого жанра) в романе нет, отсутствие динамики сюжета автор компенсирует динамикой в сознании московских ребят, точнее сказать, подвижностью сознания, его постоянной работой.

Много лет спустя после выхода романа в одном из интервью Пятигорский отнесет «Фи-

лософию одного переулка» к числу «подростковых романов», ставя свою книгу в разряд сочинений Дж. Лондона, Р. Киплинга – бестселлеров юношеской литературы. И если классики захватывают внимание экзотикой, бурными приключениями, напряженным развитием сюжета, то для Пятигорского это интересно в меньшей степени. Он как «фанат» мышления предлагает нам следить за «динамикой» сознания молодых людей, а не за событиями жизни самих героев. А если таковые и происходят, то они опять же связаны с «потрясениями» мышления. Приключения персонажей романа – не есть основа его фабулы, но реакции, которые они спровоцировали в сознании подростков из 2-го Обыденского переулка, составляют идейный скелет и движущую силу романа.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое может служить для Пятигорского аргументом в пользу обращения к жанру романа, а для нас – объяснением этого решения. Автор считал свои философские романы «наибуднейшим жанром для экспозиции самосознания философа».

Понятия «роман самосознания» и «роман» были интерпретированы Александром Моисеевичем в статье «“Другой” и “Свое” как понятия литературной философии», опубликованной в 1992 г. (когда у Пятигорского было готово два романа) [4, с. 264–270]. В этой работе автор предлагает оценить «Исповедь» Жан-Жака Руссо именно как «роман самосознания», объясняя, что это «новая разновидность текста, фиксирующая объективацию автора (“меня”) в “другом”». В свою очередь, по Пятигорскому, роман – это фиксированная форма сознания, которая не может существовать без «Третьего», т. е. «того, кто не может стать тобой и, следовательно, “Другим”, ибо “Другой” уже был введен как объект твоего превращения в него или его в тебя» [4, с. 265]. Можно сказать, что именно по этим правилам и создан роман «Философия одного переулка», а значит он является «романом самосознания».

Дав роману название «Философия одного переулка», Пятигорский, скорее всего, подразумевал не философию как науку (подобную трактовку он сам всегда отрицал), не мировоззрение или выстроенную концепцию взглядов и позиций (в романе взгляды персонажей постоянно меняются, эволюционируют), а именно «стремление», «жажду» и даже «любовь» (φιλία) обитателей переулка к познанию и постижению окружающего мира, причем как мира

самого 2-го Обыденского переулка, так и мира за его пределами.

Как можно выразить философию в литературном дискурсе? Прежде всего, в монологах и диалогах героев, а также – в повествовании автора. Именно через общение персонажей Пятигорский наглядно показывает, как делается философия, как она происходит в сознании одного человека или группы людей, чем она спровоцирована и как она выражается в вербальной форме. Метод философской беседы исключительно важен как для Пятигорского-автора (и персонажа), так и для Пятигорского-философа. Он же является средством выражения и для его действующих лиц.

Словосочетание «действующие лица» (так сам Пятигорский называет своих героев в заголовке первой главы), более соответствующее драме, чем эпосу, скорее относящееся к театру, здесь тоже неслучайно. В «Философии одного переулка» действительно много театрального: монологи, диалоги, скудные, незначительные для сюжета комментарии автора скорее похожи на ремарки в пьесе, чем на продолжительные толстовские рассуждения или лирические отступления. Добавим, что для Пятигорского, по его же словам, философия была именно делом, если угодно – действием, актом, последовательностью шагов мышления и мышлением о мышлении (т. е. рефлексией). И тогда уже в этом философском спектакле действующими лицами становятся не люди-персонажи, а мысли и размышления.

Почему же сам автор определяет «Философию одного переулка» как «историю еще не оконченной жизни одного русского философа, рассказанную автором, а также некоторыми другими, более или менее русскими философами» [6, с. 21]?

Еще в 1978 г. в цикле «Философия в России: идеи и проблемы», который Пятигорский вел на «Радио Свобода», он отметил: «Философия в России с самого своего появления – то есть с того времени, когда возникает сам факт самостоятельного философствования и личность и имя философствующего, – была по своему типу теснейше связана с русской литературой, а по своему характеру теснейше связана с религией» [7, с. 276]. Уже в следующей беседе, вышедшей в эфир 1 апреля 1978 г., Александр Моисеевич уточнит свое высказывание, подчеркнув нетеологичность философии в нашей стране. По Пятигорскому, именно это обстоятельство обусловило ее связь с «мистическим опытом, с новым

русским старчеством и пустынноничеством» [7, с. 289]. Вероятно, именно это отношение к русской философии и философии в России отразилось на романе и его действующих лицах, которым Пятигорский, противореча собственным установкам о бессмысленности идентификации философии по локальному или национальному принципу, дает именно национальный маркер (русские философы).

Мотив мистицизма пронизывает весь роман, становясь лейтмотивом. И это дает повод для выстраивания цепи рассуждений. В одном из интервью Пятигорский назвал себя «антишколистом в философии» [8]. Очевидно, что подобное самоопределение, пожалуй, достаточно смелое (ибо невозможно представить, что нечто может вырасти из ничего), открывает широкий круг возможностей, освобождает философа от влияния тенденций, характерных для того или иного течения, выводит из системы категорий, исповедуемых приверженцами тех или иных школ. С другой стороны, это признание можно рассматривать и как попытку эпатажа академической среды. Вера в искренность этого заявления, попробуем разобрать его значение для всего интеллектуального наследия Александра Моисеевича.

Да, трудно представить, что выпускник философского факультета МГУ им. Ломоносова (воспитанный в духе марксизма), страстно увлеченный буддизмом, при этом работавший с Ю.М. Лотманом и Ю.Н. Рерихом и сотрудничавший с М.К. Мамардашвили и Д.Б. Зильберманом, может оставаться в методологическом поле одной концепции. Традиционные парадигмальные рамки не устраивали Александра Моисеевича, научные проблемы, над которыми он работал, требовали нового, своего подхода, а значит и своего инструментария. Таким образом, Пятигорский синтезировал в своем личном философском методе приемы разных философских течений: персонологию буддизма и феноменологию Э. Гуссерля, и рационализм Л. Витгенштейна, и мистицизм Г. Гурджиева.

Вот и в своем романе о «русских философах» Пятигорский прибегает к весьма оригинальному для того времени методу – к русской мистической традиции в философии. Примечательно, что незадолго до начала работы над романом, в первом номере журнала «Континент», вышедшем в 1974 г., Пятигорский (спустя несколько месяцев после выезда из СССР) публикует «Заметки о “метафизической ситуации”», где со свойственной ему экспрессивностью

размышляет о метафизике в России. Анализируя «метафизическую ситуацию», Пятигорский отмечает: «Последующее внешнее вытеснение православной религии в 20-х – 30-х годах, заступивший ее место официальный подъем православия в 40-х годах и, наконец, “религиозный либерализм” 50-х – начала 60-х годов имели одно наистраннейшее и совсем уж непредвиденное последствие (непредвиденное, потому что его некому было предвидеть): конкретно мыслящие люди стали обнаруживать на своем собственном мышлении, что всякое последовательное философствование неизбежно приводит именно к религиозной метафизике» [4, с. 112]. Таким образом, он смотрит извне не на философию в России, но именно на метафизическую ситуацию, сложившуюся здесь. В то же время в «Кратком философском словаре» под редакцией М. Розенталя (1954 г.) мы находим весьма яркое и категоричное суждение: «Метафизический метод служит теоретическим оружием защиты умирающего капитализма и борьбы против революционного движения масс, против социализма» [3, с. 344].

Первые мистики в русском православии – Сергей Радонежский и Нил Сорский – постигали Бога, отправившись в пустыню. А герои романа стремятся к познанию, читая книги, слыша и слушая разговоры старших (все же роман рассказывает о подростках), но дело не в этом. Пятигорский весьма неумело, наверное, без должного старания, монтирует в роман интересные эпизоды: встреча Саши с мужчинами на автомобиле, странный разговор героев с тремя людьми у входа в гостиницу «Москва», разговоры родителей главных героев – все это провоцирует мышление героев романа как мистические откровения, посланные им.

Мистическое начало наблюдается и в главной интриге романа: два главных героя – Саша (рассказчик) и Ника Ардаатовский, живя в одном переулке, в одном дворе, никогда не виделись, имея при этом круг общих знакомых и друзей. Как объяснить тот факт, что в расцвет сталинской эпохи мальчик из московского двора покидает страну и оказывается в Париже в компании Георгия Ивановича (т. е. Гурджиева)? Побег Ники можно сравнить с уходом Сергея Радонежского в пустыню, с той лишь поправкой, что Ника бежит затем, чтобы обрести свободу и спасти себя, сохранив «выход внутри».

Одним из проявлений мистицизма в романе стали высказывания старших действующих лиц. Услышанные случайно, проще говоря,

подслушанные ребятами из 2-го Обыденского фразы воспринимаются ими как загадочные и таинственные откровения, смысл которых неясен, но чрезвычайно важен. Ребята чувствуют, догадываются, что поиск значения этих фраз сулит им огромную радость, радость познания. В этом аспекте роман можно представить еще и как остросюжетный интеллектуальный детектив (впрочем, Пятигорский назвал бы его «детективом мышления»), в котором главные герои обретают счастье в поисках смысла. А называя в одном из выступлений своих «действующих лиц» (речь, конечно, о подростках в романе) «жалкими чемпионами растраты мыслей», Пятигорский четко определяет тщетность и, возможно, несостоятельность подобных поисков, но для него удовольствие может доставлять не только результат, но сам и процесс.

При этом большинство рассуждений главных героев романа протекает именно в метафизическом ключе, несмотря на то, что они живут в эпоху, когда метафизика, мягко говоря, не в почете. Это наблюдение дает нам возможность утверждать, что Пятигорский не только не отрицает метафизику, но и работает в ее поле. Более того, признавая себя «антишколистом», он не разрывает связь между собой как русским философом (т. е. мыслящем на русском языке и в том числе о России) и русской философией.

А учитывая то, что роман позволяет философу больше, чем научный трактат (хотя, справедливости ради, трудно представить, что Пятигорского вообще что-то может ограничивать), он еще и иронизирует, разумеется, устами своих героев, на тему отношения в СССР к метафизике и мистицизму: «Оттого взрослые – если у них нет свидания, концерта или ночной работы – идут в клуб на лекцию “Религия – пережиток темного прошлого”. Что совершенно правильно, ибо зачатие и внутриутробный период – темное прошлое каждого человека, и это и есть область религии» [6, с. 52].

Анализируя роман «Философия одного переулка», необходимо представить галерею образов, созданную Пятигорским. В начале романа автор предупреждает своих читателей, что все описанные «лица, имена, фамилии и биографические данные – абсолютно реальны» [6, с. 23]. В одном из интервью, говоря о достоверности и реальности происходящих событий, а, следовательно, персонажей, автор апеллирует не к точной истории или фактам, а к сознанию. По мнению Пятигорского, точным и реальным является то, что сохранилось в сознании, в то

же время ручаться за реальность этого «реального», закрепленного в сознании, не стоит, так как только сознание способно выбирать, что сохранять, а что нет [6, с. 190].

Пятигорский представляет нам два полюса: дети и взрослые. Например, Роберт, Геня и Андрей – все они движимы идеей «разобрать», проанализировать протекающие вокруг них процессы; их жизненную неопытность компенсирует детский азарт. В определенный момент каждый из них играет важную роль, но для Саши Пятигорского всегда был интересен Ника Ардаатовский.

Главный персонаж романа – Ника Ардаатовский, юный житель переулка. Все обитатели 2-го Обыденского знают, что он «очень талантливый ребенок, почти гениальный». Саша Пятигорский все детство провел, желая увидеть Нику, познакомиться с ним, но встреча стала возможной лишь после переезда в Лондон, когда и Ника, и Саша уже выросли.

Ардаатовский в романе – не просто реальное лицо из жизни персонажей и автора, судя по всему, он получил очень много дополнительных качеств и черт (сознание ведь выборочно). Для Саши Ардаатовский – и соратник, и соперник, и советчик, и антагонист, и судья. Эти метаморфозы в сознании Пятигорского и можно назвать главным поводом и пружиной действия в романе. При этом следует удержаться от параллелей в духе Фрейда.

Говоря о взаимоотношениях сначала Ники и Саши, а затем Николая Ардаатовского и Александра Пятигорского (и в первом, и во втором случае следует подразумевать и реальных лиц, и персонажей), важно понимать, что для последнего Ардаатовский – в известной степени alter ego. Ардаатовский в романе – персонаж с мистическим галом. Он вне общеустоявшихся схем и тенденций и двора в Москве, и кафе в Париже. Он стремится «выйти» (об этом далее) и наблюдать, как это сделал автор романа, уехав из СССР, прежде чем сесть за работу над романом.

Таким образом, используя концепцию Пятигорского «Другой – Свой», можно предположить, что в романе Александр Пятигорский-философ объективирует себя в Саше Пятигорском-персонаже, и последний является Другим, а персонаж Ника Ардаатовский – «Другой другой», т. е. «то, чем (кем) ты не можешь стать ни при каких условиях, и что (кто) не может стать тобой и, следовательно, и “другим”, ибо “другой” уже был введен как объект твоего превращения в него или его в тебя» [4, с. 265].

Последнее имеет множество подтверждений, например, фраза бабушки о Нике, завершающая пятую главу романа: «А не все ли равно – их ли, вашим ли, Роберта, Гарика? Он не должен стать своим ни для кого. Понятно?» [6, с. 65].

Судя по тексту, Ардастовский не стал своим ни для кого, оставшись Другим другим, иначе говоря, Третьим. В завершающей главе романа Николай, ссылаясь на Гурджиева, говорит следующее: «Поэтому ни один из них не может говорить о себе объединительное – «мы». Он всегда только – «я», и другие знающие для него всегда – «они», а не «мы». Отождествление себя с другим так же убивает потенцию знания, как и идиотские попытки самоотождествления» [6, с. 184].

Продолжая осмысливать мистическую линию романа и его действующих лиц, обратим внимание на второстепенных персонажей. Пятигорский не стремится тщательно описать их внешность, он создает их образы с помощью диалогов и прямой речи. Один из самых ярких действующих лиц – бабушка Ники Ардастовского, Тимофей Алексеевич. Этот персонаж является важным звеном в цепи «мистических откровений» романа, раскрывает метафизическую суть протекающих процессов как в судьбах персонажей, так и во всей стране. Кроме этого, бабушка (а именно так называет его автор, что не случайно) связывает «юных философов» с мыслителями старой школы. Благодаря бабушке в романе появляются два его приятеля – выдающиеся философы Василий Васильевич (Розанов) и Георгий Иванович (Гурджиев). Первый – в воспоминаниях, второй – как действующее лицо романа. Обоих можно назвать камертонами романа: во многом по ним отстроено его мистико-метафизическое звучание.

Отдельно следует сказать о топографии романа и его хронотопе. Пятигорский весьма конкретно обозначает их: Москва, улица Остоженка и ее переулки; Париж, Лондон. Слово «переулок» здесь играет несколько ролей. Во-первых, это конкретное место действия романа. Во-вторых, понятие «переулок» здесь нам представляется пространством философии, некоторым географически точно указанным местом, в котором живут философы (думающие и размышляющие люди). Место, где они живут (читай: философствуют) – это «переулок», нечто, что находится «между» (вне) больших улиц, потоков людей, идей, воззрений, то, что пересекается с другими. В уже упомянутых выступлениях на «Радио Свобода» Пятигорский (еще до начала своей работы над романом) определяет,

что философия «может спонтанно возникнуть в точках, где субъективное мышление философа пересекается с объективным фактом сознания» [7, с. 288].

Более двадцати лет спустя после выхода романа в послесловии к книге «Мышление и наблюдение», которое так и озаглавлено «О месте, из которого я думаю», он усилит метафору о пересечении мышления, расширив «точку» до масштабов «пространства», в котором находится определенная конфигурация объектов мышления. «Только тогда, когда это думание уже общается – и ни на мгновение позже – я вижу место, из которого я думаю, не как абстрактное «пространство» заполнения объектами, о котором говорилось вначале, не как мыслимый топос мышления, а как конкретный locus – место, которое мышление оставляет, чтобы быть сообщенным, переданным» [5, с. 162].

При этом предлог «из» подчеркивает не только активность мышления философа, но и его направленность, т. е. экстенсивность. Здесь Пятигорский, являясь в определенной степени последовательным сторонником Э. Гуссерля, определяет интенциональность как стремление мышления «вовне»: к другому мышлению, рефлексии или к коммуникации.

Строго говоря, Пятигорский утверждает, что мысль не имеет точного места в начале, когда ты начинаешь мыслить, но обнаруживает его потом: «Это сама мысль в ее абсолютной таковости пост-детерминирует («после-определяет») место (ситуацию, и так далее), из которого она мыслится» [5, с. 164]. В этой связи «переулок» может быть тем местом, где мысль начала свое «движение», где она «зародилась», а потом обозначила его как то самое место.

Последняя гипотеза обретает смысл, если вспомнить о том, что в свое время «юные философы» покидают переулок, обретая иные «места» и «переулки» для размышлений.

Пятигорский выстраивает в романе экспозицию своих философских идей. Одна из главных связана с местом философа в окружающем его мире. Во-первых, все пространство вокруг философа – это контекст его мышления, его философствования, при этом оно (пространство) может влиять на думающего и на его философствование, а может и не влиять. Последнее возможно благодаря тому, что философ, по Пятигорскому, – наблюдатель.

Что он наблюдает? Он следит за мышлением – своим и чужим, за тем, как оно «работает», как оно протекает. В «Мышлении и наблю-

дении» Пятигорский вводит термин «случай мышления». Можно предположить, что окружающее философа пространство – это случай/случаи мышления.

В этом наблюдении, по Пятигорскому, философ должен пройти как минимум две стадии – наблюдатель внутренний и наблюдатель внешний. Ника Ардатовский наблюдал случай мышления Москвы из «переулка», потом наблюдал случай мышления в Париже и из Парижа. В тексте романа читаем: «...Дедушка не потому “отослал” Нику, что у того не осталось бы времени на спасение живой души, а потому, что он просто знал, что Нике “подошел срок” исчезнуть из Москвы, и уже совсем не осталось времени на духовную работу, так сказать» [6, с. 68]. Сознательно или нет, но Ника-персонаж (в книге находясь в прошлом) следует примеру Пятигорского-автора, который покидает страну для «духовной работы».

В философии есть традиционный круг вопросов: что первично – материя или сознание; познаваем ли мир; что такое истина и др. К этому списку, на наш взгляд, следует добавить вопрос о том, кто имеет право считать себя философом. Ответ на него герои романа продолжают искать в течение нескольких лет: «Двор – это первоначальная ячейка московского общества двадцатых, тридцатых и даже сороковых годов. До двадцатых годов дворов, в таком именно социальном качестве, не было, и скоро их снова не будет. Были дворы художников, дворы графоманов, дворы насильников и хулиганов. Твой двор был – философский, что, конечно, никак не означало, что ваши ребята были – или потом стали – философами. Но у некоторых из них (из нас?) была одаренность отвлечения от своей (и чужой) жизни, впрочем, часто свойственная детям вообще. Потом эта одаренность обычно уменьшается, оставаясь только у прирожденных философов, то есть у тех, кто, даже проклиная эту свою способность, все равно ничего не может с ней поделать» [6, с. 104]. Таким образом, Пятигорский дает ответ: философом может считать себя тот, кто стремится размышлять над различными случаями мышления, как своими (частными), так и чужими (общими и частными).

В романе Пятигорский помещает еще одно объяснение «философской ситуации» во 2-м Обыденском переулке: «Но тут внезапно опять возникший Андрей “перехватил мяч” и сообщил нам, что в истории есть периоды, когда религия, “чтобы сохраниться в условиях аб-

солютного господства атеистического режима, должна преобразовываться в философию”. Геня решительно возразил, что мы сами – а не религия – вынуждены философствовать, чтобы сохраниться в этих условиях, хотя бы внутренне» [6, с. 104]. Можно сказать так: для Пятигорского и обитателей переулка философия стала средством защиты, возможностью отрешения от окружающего мира. Но отрешение состояло не в том, чтобы «уйти» и забыть, а в том, чтобы «выйти» и наблюдать. Нам представляется, что последняя цитата не только объясняет мотивацию Пятигорского к занятию философией, но и проливает свет на один феномен.

Дело в том, что в историю уже вошли, получив свое название и оценку, участники нового витка бурного и стремительного развития искусства и литературы – шестидесятники. Но сегодня обыватель забывает о том, что 1960-е гг. в СССР связаны не только с именами А. Вознесенского, Р. Рождественского, Е. Евтушенко, Б. Ахмадуллиной, Э. Неизвестного, М. Хуциева, Э. Климова, А. Каретникова. Этот всплеск можно сравнить с подъемом искусства в 1860-е гг. и, конечно, он не мог не затронуть философию. В этом же ряду – появление в Советском Союзе плеяды блистательных философов – М.К. Мамардашвили, Ю.А. Левады, Г.П. Щедровицкого, Э.В. Ильенкова, Б.А. Грушина, А.А. Зиновьева и, разумеется, А.М. Пятигорского.

О первой художественной и самой очевидной составляющей части этого явления мы говорить не будем, скажем только, что процессы в советском искусстве хоть и подвергались серьезному давлению государства, но не были оторваны от русской и европейской традиции, в то время как развитие философской мысли в стране было даже на некоторое время официально прекращено. Без малого десять лет старейший философский факультет страны был закрыт.

После открытия философского факультета Московского университета в него поступили М.К. Мамардашвили, Ю.Ф. Корякин, Ю.А. Левада, Г.П. Щедровицкий, А.М. Пятигорский и Б.А. Грушин. Они создали «новую» философию страны. В этой связи с определенной долей вероятности можно утверждать, что роман «Философия одного переулка» – не только автобиография Пятигорского, в которой он рассказывает о друзьях детства и юности, но и попытка объяснить природу и генезис вспышки философской мысли в 1960-е гг. в СССР.

В своем произведении А. Пятигорский стремится объяснить атмосферу довоенного времени

в Советском Союзе, политическую обстановку, настроения людей как проявления мышления. Значительно позже, вспоминая об этом времени, он в свойственной ему экспрессивной манере скажет: «Только полные исторические идиоты не понимают, что страшный сталинский террор был возможен, потому что в каком-то смысле, пусть в переносном (это нуждается в расшифровке), эти люди были готовы быть убитыми и в каком-то смысле хотели этого» [2].

Можно предположить, что эта фраза, сказанная в начале 2000-х гг., является ключом к роману, законченному в конце 1980-х гг. Пример Ники Ардатовского для автора романа важен. Он иллюстрирует возможность физического спасения с помощью собственного мышления: «выхода», освобождения, отстранения для наблюдения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажимов Ф.Е. Метафизические проблемы взаимоотношений философии и литературы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 3. С. 56–62.
2. «Александр Пятигорский. Чистый воздух твоей свободы» (Реж. В. Балаян) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=TNy2Aav0ROs>
3. Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М.: Госполитиздат, 1954.
4. Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2005.
5. Пятигорский А.М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по наблюдательной философии. Рига: Liepnieks & Ritups, 2002.
6. Пятигорский А.М. Философская проза. Т. I: Философия одного переулка. Роман. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
7. Пятигорский А.М. Свободный философ Пятигорский: в 2-х т. Т. 2. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
8. Философ Александр Пятигорский – «Известиям»: «Я не доверяю коллективной любви и ненависти» // Известия. 2009. 27 октября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/354681>

REFERENCES

1. Azhimov, F.E., 2010. Metafizicheskie problemy vzaimootnoshenii filosofii i literatury [The metaphysical matters of mutual relations between philosophy and literature], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 56–62. (in Russ.)
2. «Aleksandr Pyatigorskii. Chisty y vozdukh tvoey svobody» (Rezh. V. Balayan) [«Alexander Piatigorsky. Clean air of your freedom» (Directed by V. Balayan)]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TNy2Aav0ROs> (in Russ.)
3. Rozental', M. and Yudin, P. eds., 1954. Kratkii filosofskii slovar [Short philosophical dictionary]. Moskva: Gospolitizdat. (in Russ.)
4. Piatigorsky, A.M., 2005. Izbrannyye trudy [Selected works]. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (in Russ.)
5. Piatigorsky, A.M., 2002. Myshlenie i nablyudenie. Chetyre lektzii po observatsionnoi filosofii [Thinking and observation. Four lectures on observational philosophy]. Riga: Liepnieks & Ritups. (in Russ.)
6. Piatigorsky, A.M., 2011. Filosofskaya proza. T. I: Filosofiya odnogo pereulka [Philosophical prose. Vol. I: The philosophy of a small street. A novel]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
7. Piatigorsky, A.M., 2015. Svobodnyi filosof Pyatigorskii [An independent philosopher Piatigorsky]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. (in Russ.)
8. Filosof Aleksandr Pyatigorskii – «Izvestiyam»: «Ya ne doveryayu kollektivnoi lyubvi i nenavisti» [Philosopher Alexander Piatigorsky to «Izvestiya»: I do not trust collective love and hate]. URL: <http://izvestia.ru/news/354681> (in Russ.)